

Перестройка и пять трансформаций¹

Арчи Браун

Наверно, историки будут спорить о перестройке не одну сотню лет. Пока же обсуждение этих семи

лет, которые изменили мир, сопровождается недоразумениями и разногласиями. В сознании многих россиян она связана с разочарованием, вызванным изъянами той системы, которая в постсоветской России была названа «демократией», и крайностями богатства и бедности, возникшими с начала 90-х годов. Но люди, начинавшие перестройку, в постсоветской России уже не занимали государственных постов. Следовательно о них нужно судить по их собственным делам, а не по делам их преемников.

Необходимо понять, как начиналась перестройка и чем она стала. Перестройка начиналась как попытка улучшить функционирование советской системы, и ее инициаторы (прежде всего новый Генеральный секретарь Михаил Сергеевич Горбачев) стремились улучшить существующую советскую политическую и экономическую систему. Термин «перестройка» пришелся кстати потому, что после 1968 года, когда чешские коммунисты-реформаторы начали политическую и экономическую реформу и выступили с идеей плюрализма, было запрещено даже думать о том, что Советскому Союзу нужна «реформа». Теория и практика политического плюрализма в Чехословакии настолько напугали советских руководителей, что они танками задавили «пражскую весну». В дальнейшем, во времена Брежнева те, кто хотел осуществить даже самые скромные изменения в советской системе, должны были пользоваться такими эвфемизмами, как «дальнейшее совершенствование» советской политической системы или системы управления народным хозяйством.

Арчи Браун — профессор политологии Оксфордского университета (Великобритания).

Слово «перестройка» было идеологически менее нагруженным, нежели слово «реформа», у которого с точки зрения советских консерваторов были коннотации, связанные с реформизмом или ревизионизмом, и поэтому под «покровом» перестройки можно было осуществлять все более радикальные реформы. Вначале неопределенность самого этого понятия оказалась политически удобной для тех, прежде всего, для нового Генерального секретаря, кто действительно хотел осуществить серьезную реформу. На начальном этапе все или почти все могли поддержать перестройку, потому что каждый вкладывал в нее свой смысл.

По мере того, как содержание перестройки становилось более радикальным, и в особенности когда летом 1988 года Горбачев и его союзники перешли от реформирования системы к системному преобразованию, неопределенность термина перестала, видимо, быть преимуществом. Встал вопрос о более глубоких институциональных изменениях. В определенной степени это произошло, когда гласность превратилась в настоящую свободу слова и все более и более — в свободу печати, хотя политическая полемика в пробудившемся обществе шла скорее на уровне обобщений, а не вокруг конкретных институциональных преобразований, которые следовало предпринять.

Коммунистические системы

Прежде чем рассуждать о пяти преобразованиях, произошедших в годы перестройки, я хотел бы провести различие между социализмом и коммунизмом, причем не в марксистско-ленинском смысле, а в плане сравнительного политологического анализа. Пять определяющих характеристик коммунистической системы можно суммировать следующим образом: (1) монопольная власть коммунистической партии; (2) демократический централизм; (3) государственная собственность на средства производства; (4) провозглашенное в качестве цели строительство коммунизма — общества, где государство отомрет, — как конечная, обеспечивающая легитимность цель; (5) существование международного коммунистического движения и чувство принадлежности к нему². Тот факт, что коммунистические лидеры и идеологи в нереформированном Советском Союзе и в других коммунистических государствах называли свои системы «социалистическими», вряд ли является веским основанием следовать их примеру. Те же самые коммунистические лидеры и хранители идеологии называли свои системы «демократическими». В доперестроечном Советском Союзе выражения «советская демократия» и «социалистическая демократия» использовались почти как взаимозаменяемые понятия. Хотя называть советскую

систему социалистической было не столь явно абсурдным, чем называть ее демократической, тот факт, что советские руководители от Ленина до Черненко³ характеризовали систему как «социалистическую», не дает достаточного основания принять это определение в качестве аналитически состоятельного термина⁴.

Прилагательное «социалистический» применимо к гораздо более широкому спектру общественных движений, политических партий и правительств, чем те, которые заявляли о своей приверженности марксизму-ленинизму.⁵ Этот термин менее точен, чем термин «коммунистический» в применении к Советскому Союзу и тем странам, которые считались основным ядром международного коммунистического движения. Нетрудно провести различие между Коммунистической системой и «коммунизмом» как утопией безгосударственности, которая давала конечное оправдание «ведущей роли» коммунистических партий, поскольку именно партия, по утверждению Ленина, обеспечивала теоретическое осмысление и организационную базу, необходимые для руководства менее сознательными гражданами на пути к гармоничному бесклассовому обществу. (Сомневаюсь, был ли в 70-ые годы хотя бы один человек в составе брежневского Политбюро, искренне веривший в такое мифическое общество будущего, однако нельзя отрицать остаточное идеологическое значение этой концепции, сохранившейся до конца 80-х годов, когда, на волне общего отказа от марксизма-ленинизма эта идея была отброшена даже как теоретический конструкт)⁶. При этом не следует опасаться смешения коммунизма эпохи «реального социализма» (терминология, принятая в Советском Союзе при Брежневе) с утопией «полного коммунизма». Если применить один и тот же термин «социалистический», например, в отношении правительств времен Пятой Республики во Франции и в отношении дореформенного Советского Союза, это будет большая концептуальная натяжка и большее затушевывание существенных различий, чем использование термина «коммунистический» в отношении последнего.

В годы перестройки коммунистическая система в Советском Союзе перестала существовать. Представление, что коммунизм в России закончился только с установлением постсоветского режима Бориса Ельцина, является мифом. Советский Союз прекратил свое существование в декабре 1991 года, но конец коммунизма в Советском Союзе наступил уже в 1989 году. Посмотрим на уже перечисленные выше основные характеристики коммунистической системы. De jure монополия коммунистической партии на власть окончилась в марте 1990 года, когда в Конституцию было внесено изменение, отменявшее гарантированную «ведущую и направляющую роль» КПСС, а независимые политические организации и политические

партии в зародыше существовали de facto уже в 1989 году. Во-вторых, с 1986 года начинается быстрое размывание демократического централизма, а к 1989 году от него и вовсе отказались: коммунисты, отстаивавшие совершенно разные политические позиции и ценности, выступали в качестве соперников в предвыборной борьбе. В-третьих, хотя государственная собственность на средства производства в годы перестройки оказалась наиболее живучей из всех основных черт коммунизма, но в 1988 году Закон о кооперации пробил в ней серьезные бреши, поскольку он шел дальше, чем Закон об индивидуальной трудовой деятельности 1986 года. Кооперативы быстро превратились в слегка завуалированные частные предприятия. В-четвертых, Горбачев и его союзники отказались от «построения коммунизма» даже как от отдаленной идеологической цели. Она исчезла из программных документов КПСС. Наконец, в-пятых, после 1989 года перестало существовать международное коммунистическое движение, к которому принадлежал Советский Союз. Ему стало некого возглавлять.

* * *

Пять основных трансформаций, о которых пойдет речь в этой главе, связаны с демонтажем коммунизма в Советском Союзе, однако реальное значение этих перемен было еще большим. И хотя на уровне политической практики они тесно переплетались друг с другом, их необходимо анализировать по отдельности. Речь идет о следующих трансформациях: (1) демонтаж командной экономики; (2) переход от крайне авторитарной политической системы к политическому плюрализму; (3) прекращение «холодной войны»; (4) отказ от советской гегемонии в Восточной Европе; (5) распад Советского Союза. Я буду поочередно рассматривать все эти политические явления.

От командной экономики к экономической неопределенности

Совершенно ясно, что неправы были те, кто утверждал, что Советский Союз невозможно изменить изнутри, причем изменить радикально. Хотя в разное время в СССР и в других коммунистических государствах проводились некоторые экономические реформы, радикальная реформа была связана с серьезными проблемами, обусловленными принципами действия систем и, в случае Советского Союза, усугубленными рядом особых обстоятельств, характерных для России. Видный американский политолог Роберт А. Даль убедительно доказал не только несовместимость командной экономики с демократией, но и то, что с демократией несовместима и

рыночная экономика в чистом виде⁷. Он пишет: «Во всех демократических странах исторически сложилась смешанная экономика, в которой рынок, при всей его огромной важности, модифицируется за счет вмешательства государства»⁸. Отчасти это происходит как реакция на действия организаций, защищающих интересы, которые были бы слишком сильно ущемлены, если бы рынок был единственным критерием принятия решений в области экономики.

Однако, хотя модели в чистом виде существуют только в учебниках, экономическая система должна быть преимущественно того или иного типа. Скажем, по своей сути это может быть командная экономика, работающая на основе централизованного распределения ресурсов, но она в то же время может делать определенные уступки закону спроса и предложения (например, существование частного репетиторства в дореформенном Советском Союзе). Рыночная экономика, хотя и подвержена в той или иной мере государственному регулированию, тем не менее отличается по своей логике от командной экономики. Смешанная экономика в большей или меньшей степени присутствует в любой рыночной в своей основе экономике. В ней вполне могут быть элементы общественной собственности, например национализированные железные дороги или аэропорты, принадлежащие муниципальной власти. И, как правило, имеет место значительное государственное вмешательство, направленное на модификацию работы рынка. Например, устанавливаются высокие налоги на табачную продукцию с целью снизить вред от курения для здоровья.

И все-таки переход от командной экономики к рыночной — это фундаментальный сдвиг. Термин «переход» в данном случае абсолютно правомерен. В Советском Союзе существовало принципиальное противоречие между попытками заставить существующую систему работать лучше и стремлением заменить эту систему преимущественно рыночной экономикой, которая строится на иных принципах. В результате, большинство экономических законов горбачевской поры, например Закон о государственном предприятии 1987 года и Закон о кооперации 1988 года, которые разрабатывались с наилучшими намерениями, имели непреднамеренные последствия. В условиях советской командной экономики, просуществовавшей так долго, не было возможности легко перейти от одной системы к другой, и опыт постсоветской России — лишнее тому доказательство. Должен был наступить момент, когда нужно было привести большинство цен к рыночному уровню, и попытки улучшить старую «командно-административную систему», должны были смениться переходом к регулируемой рыночной экономике (хотя Горбачева много и безосновательно критиковали за то, что он использовал прилагательное «регулируемая» перед словами «рыночная экономика»).

Однако несмотря на то, что к 1989 году Горбачев взял курс на переход к рыночной в своей основе экономике, экономическая система, которая существовала в стране в тот момент и вплоть до распада Советского Союза, не была ни командной, ни рыночной. Экономика страны зависла: командная экономика уже не функционировала, а рыночной экономики еще не было. В результате реформ появились стимулы, извращенные с точки зрения сторонников централизованного планирования, тогда как рыночные институты оставались слабыми, а такая решающая для перехода к рынку мера, как либерализация большей части цен, была отложена. В этом смысле до некоторой степени справедливы аргументы тех, кто говорит, что советская экономическая система была неререформируемой. Можно было провести частичные реформы, что и делалось, но принципы действия системы должны в основном быть либо рыночными, либо командными. Констатация этой дилеммы не означает, что существовало простое ее решение. Вдобавок к системной проблеме была еще российская специфика, которая сделала экономический переход в Советском Союзе гораздо более трудным, чем в странах Восточной и Центральной Европы. И дело не только в том, что в России командно-административная система существовала дольше. Размер страны и ее климатические условия в сочетании с наследием советского планирования создали (и сейчас продолжают создавать) даже для политиков, стремящихся форсировать переход к рынку, больше трудностей, чем, скажем, в Венгрии или в Чехии. Последняя работа Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди, в которой проанализировано тяжелое экономическое бремя, связанное с экстенсивным развитием городов Сибири, дает тому красноречивые свидетельства⁹. В данном случае полностью справедливы замечания Даля насчет непреодолимых (prohibitive) социально-политических издержек, если придерживаются только критериев рыночной экономики¹⁰. Нельзя просто закрыть целые города, даже если у них вообще нет перспективы стать экономически жизнеспособными.

От авторитарной политической системы к политическому плюрализму

Некоторые западные политические комментаторы вслед за российскими радикалами (а радикалами очень часто становились советские граждане, которые были послушными конформистами вплоть до того, как благодаря Горбачеву в Советском Союзе перестали преследовать за инакомыслие) критиковали Горбачева за то, что при нем политические реформы в СССР шли медленно. Однако на самом деле изменения происходили исключительно быстро, особенно в период между 1987 и 1990 гг. Излишне говорить,

что смена режимов в странах Восточной Европы произошла еще быстрее — в 1989 году, но тут нечему удивляться. Коммунистические институты, существовавшие в странах Центральной и Восточной Европы, были упразднены очень быстро, потому что большинство населения считало их навязанными извне. Они могли поддерживаться только до тех пор, пока советское руководство было готово использовать военную силу в качестве последнего средства защиты непопулярной системы и непопулярных лидеров. Для России с ее дореволюционной традицией самодержавия и семьдесятю годами коммунистического гнета осуществить переход от чрезвычайно авторитарной политической системы к политическому плюрализму и альтернативным выборам всего за три года означало осуществить прорыв с головокружительной скоростью.

Несмотря на то, что было много веских причин, которые к середине 80-х требовали перемен, тот факт, что преобразование советской системы произошло именно в тот момент, был во многом обусловлен субъективным фактором. Взгляды других членов Политбюро на тот момент, когда в марте 1985 года Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, сейчас широко известны как по документам того времени, так и по богатой мемуарной литературе. Ни один из них не стал бы проводить политику, хотя бы отдаленно напоминающую ту, что проводил Горбачев. Его собственные взгляды также претерпели быструю эволюцию. В этом проявилась его склонность к реформам и восприимчивость к новым идеям, что было, мягко говоря, нехарактерно для людей уровня Политбюро. Эта открытость для новых идей оказалась решающей. Любой другой человек во главе Советского Союза (а реальных альтернатив было очень мало) ни в коем случае не снял бы табу на положительные высказывания о «плюрализме», как это сделал Горбачев¹¹, а привели бы в действие имевшиеся в его распоряжении многочисленные рычаги — от цензуры и партийной дисциплины до использования силовиков, — чтобы не допустить радикальных перемен¹².

Некоторые важные решения, которые Горбачев провел летом 1988 года на XIX партийной конференции, стали политической реальностью лишь в 1989 году. Наиболее фундаментальным изменением было проведение выборов на альтернативной основе в законодательный орган власти, имевший реальные полномочия (настолько, что в 1989 году Верховный Совет отклонил 13 процентов министров, предложенных Рыжковым)¹³. Слово «реформа» не вполне адекватно определяет преобразования, которые произошли в советской системе. Горбачев справедливо считает XIX партийную конференцию поворотным пунктом. Его основной доклад на конференции, по его словам, был по существу попыткой осуществить «мирный, плавный переход от одной политической системы к другой» [курсив мой,

А. Б.]¹⁴ Преобразования вышли за рамки либерализации — началась демократизация. Однако демократизация представляет собой процесс, она не равнозначна сложившейся демократии. Хотя ни при Горбачеве, ни при его преемниках в постсоветской России система не стала демократией в полном смысле слова, она стала политически плюралистской и качественно отличной от коммунистической системы.

Следует отметить, что главные решения в пользу введения принципов плюрализма в политическую систему принимались в то время, когда Борис Ельцин не играл никакой роли в политическом процессе. Когда летом 1988 года XIX партийной конференция поддержала решения, ведущие к плюрализму (кстати, многие делегаты пошли на это весьма неохотно), Ельцин все еще формально был членом ЦК КПСС, но его мнение в партии не имело значения. Он не играл никакой роли в дискуссии, которая завершилась принятием весьма радикальных документов, представленных конференции. Однако новые принципы плюрализма сыграли ему на руку, как никому другому, и в течение какого-то времени он способствовал тому, что эти принципы наполнились большим содержанием. На выборах 1989 года Ельцин одержал бесспорную победу, став депутатом в новом законодательном органе от избирательного округа, представлявшего всю Москву. Само по себе это было важнейшей вехой, однако, как заявил тогдашний посол США в Москве Джек Мэтлок, «меня больше удивило не то, что Ельцин победил, а то, что подсчет голосов был честным» (курсив Мэтлока)¹⁵.

И хотя утверждение плюрализма в советской системе было историческим прорывом, следует констатировать, что полной демократизации не произошло ни в Советском Союзе, ни в постсоветской России. Если перейти от толкования фактов к допущениям о том, что «могло бы произойти, но в действительности не произошло», то есть основания предположить (но, разумеется, не утверждать с полной уверенностью), что если бы в двух конкретных случаях Горбачев занял иную позицию, в стране могла бы возникнуть более жизнеспособная демократия и более эффективные демократические институты. Первым таким роковым решением стало решение избрать Президента СССР в марте 1990 года голосованием в Верховном Совете, а не путем прямых всенародных выборов. Если бы было принято решение в пользу прямых выборов весной 1990 года (а не только будущих президентских выборов, как имелось в виду), то это было бы даже еще более важным с точки зрения удержания большинства республик в обновленном и добровольном Союзе (подробнее об этом ниже).

Вторым решением, которое было бы важным с точки зрения создания легитимных политических надреспубликанских институтов, что укрепило бы Союз, и еще более важным в плане дальнейшего укрепления демок-

рации, было решение Горбачева повременить с открытым расколом коммунистической партии. Хорошо известно, что в частных беседах он был готов допустить возможность конкуренции партий. Когда в 1985 году Александр Яковлев направил личную записку Горбачеву, в которой предлагал разделить КПСС на две партии, чтобы сделать политическую систему конкурентной, Горбачев не воспринял это как посягательство на святыне принципы единства партии. Он лишь назвал эту идею «преждевременной».¹⁶ Ясно, что с точки зрения практической политики она действительно была преждевременной. У только что избранного генерального секретаря, которого окружало Политбюро, состоящее из коммунистов с ортодоксальными взглядами, не было возможности расколоть партию, особенно если вспомнить, насколько враждебно в ленинских партиях всегда относились к раскольникам.

Самые подходящие моменты, когда Горбачев мог бы рискнуть пойти на раскол КПСС, были в 1989 году или на XXVIII съезде КПСС в июне 1990 года — возможно, съезд был оптимальным для этого моментом. Тогда была вероятность того, что несколько миллионов коммунистов уйдут вместе с Горбачевым и образуют социал-демократическую партию, а оставшиеся «истинные коммунисты» тоже смогут сформировать крупную партию. Более того, из состава КПСС могла бы выделиться либеральная партия, ибо в этой идеологически разнородной организации состояли такие люди, как Егор Гайдар и большинство тех, кто выдвинулся как активные проповедники рыночной экономики. Это был бы оптимальный вариант создания системы, в которой партии соперничали бы друг с другом, имели бы массовую поддержку и, если бы имущество КПСС было бы разделено между партиями-преемницами, прочную финансовую базу. Однако последнее допущение не может не вызывать сомнения: возможен ли был столь открытый переход к партийной конкуренции по западному образцу на основе взаимной договоренности?

Вероятно, основную силу в «остаточной» коммунистической партии составили бы партийные аппаратчики, которые в большинстве своем уже тогда крайне подозрительно относились к социал-демократическим наклонностям Горбачева. Но разве не могли они выступить единым фронтом с военными и с КГБ, чтобы предотвратить раскол? Этого нельзя исключать, и если бы это произошло, то у путча не в августе 1991 года, а годом раньше — было бы гораздо больше шансов на успех. В 1990 году те же люди, которые возглавили попытку переворота, не столкнулись бы с проблемой, которая встала перед ними в августе 1991, когда они заявляли, что выступают от имени всего народа, тогда как всего за два месяца до этого народ

если не всей страны, то во всяком случае России избрал президентом человека с совершенно другими взглядами — Бориса Ельцина. И летом 1990 года у Ельцина не было бы такой громадной демократической легитимности. Он мог получить ее, только если бы весной 1990 года был всенародно избран президентом Советского Союза. Именно здесь допущение о прямых выборах президента СССР становится особенно значимым (речь об этом пойдет в разделе, посвященном пятой трансформации, а именно распаду Советского Союза). И хотя Горбачев действительно пошел бы на риск, если бы взял на себя инициативу расколоть коммунистическую партию, риск, связанный с сохранением формального единства партии, был в целом больше.

Конец «холодной войны»

До сих пор не утихают споры о том, какую роль сыграл Запад и, в частности, администрация Рейгана в прекращении «холодной войны»¹⁷. Однако очевидны два момента. Во-первых, в годы, когда президентство Рейгана совпало с руководством в Советском Союзе трех других генеральных секретарей, не было никаких признаков окончания «холодной войны». Напротив, она становилась все «холоднее». Кардинальные изменения в отношениях между Востоком и Западом начались только после того, как в марте 1985 года к власти в Кремле пришел Горбачев. В последние два года жизни Леонида Брежнева и в течение коротких периодов, года на верхушке политической иерархии находились Юрий Андропов и Константин Черненко, советской внешней политикой и политикой в области безопасности руководили министр иностранных дел А.Громыко и министр обороны Д.Устинов. Они не проявляли гибкости, а на рост военных расходов США реагировали традиционным образом. Человеком, который дал ход новому мышлению, разрабатывал новые принципы поведения и выдвигал в Москве новую внешнеполитическую команду, был Горбачев.

Другим неоспоримым фактом является то, что «холодная война» закончилась, когда Горбачев был у руля. Его преемник Борис Ельцин не сыграл никакой роли в этой трансформации. Ельцин даже в последние годы существования Советского Союза не имел внешнеполитической линии, отличной от линии Горбачева, и вообще мало говорил на эту тему. В те годы, когда происходила трансформация отношений между Востоком и Западом, его вклад в процесс принятия внешнеполитических решений был нулевым. Государственный секретарь США Джордж Шульц придерживается той точки зрения, что к концу 1988 года, т.е. к моменту, когда он

оставил свой пост, «холодная война» уже закончилась.¹⁸ К тому времени Рейган и Горбачев подписали важные договоры по сокращению вооружений, и Рейган посетил Москву с дружественным визитом, в ходе которого он сказал, что Советский Союз больше не является «империей зла».

Горбачева, в отличие от Ельцина, по-настоящему интересовали идеи, в том числе идеи, связанные с международными отношениями. Он считал, что они не должны определяться идеологической зашоренностью, равно как и политикой силы. Еще в бытность свою секретарем Ставропольского крайкома партии он много читал, в том числе то, что обычно не входило в круг чтения партийного функционера. И тогда, и впоследствии благодаря своей интеллектуальной любознательности он интересовался вещами, выходящими далеко за пределы ортодоксальных советских представлений. Он еще более расширил свой кругозор, назначив таких образованных и знающих помощников, как Анатолий Черняев и Георгий Шахназаров, сменив руководство министерства иностранных дел и ускорив продвижение по партийной лестнице Александра Яковлева. Он поддержал ученых из исследовательских институтов в стремлении «думать о немислимом», и выступать с новыми идеями.

Самым важным было то, что практические действия Горбачева соответствовали провозглашенным им принципам. Традиционная риторика советского марксизма-ленинизма насчет классовой борьбы и пролетарского интернационализма — служила в значительной мере для оправдания советской гегемонии в международном коммунистическом движении и в борьбе между двумя системами, на которые, как считалось, был разделен мир. Горбачев же — под влиянием прочитанного и под влиянием лучших из его советников, но и на основе собственного опыта общения с иностранными руководителями и непосредственного знакомства с другими культурами и системами — считал, что существуют общечеловеческие ценности и интересы, которые выходят за рамки более узких интересов и различий между государствами. Эта убежденность стала для него руководством к действию или же к благожелательному бездействию, как это было в отношении Восточной Европы, о которой пойдет речь в следующем разделе.

Отказ от советской гегемонии в Восточной Европе

Точке зрения Джорджа Шульца, что «холодная война» закончилась к концу 1988 года, можно противопоставить мнение, что она по-настоящему не закончилась до тех пор, пока народы стран Восточной Европы не получили возможность сами выбирать свою политическую и экономическую систему. В течение 1988 года Горбачев дважды заявлял о том, что они имеют

право на «свободу выбора» — сначала летом на XIX партийной конференции, а затем в декабре в своем выступлении в ООН. В течение 1989 года искренность сказанного им проверялась чередой событий, происходивших в странах Центральной и Восточной Европы. Невмешательство Советского Союза в эти события было несомненным доказательством того, что «холодная война» окончилась. Она окончилась, когда под влиянием новых идей глобальной взаимозависимости и общечеловеческих интересов и ценностей, а также в силу изменившихся представлений о плюсах и минусах советской гегемонии в отношении несогласных с ней народов Восточной Европы советское руководство сознательно перестало поддерживать режимы, которые уже не имели доверия своих граждан.

В России Горбачева часто критикуют за то, что он прекратил «холодную войну» на якобы невыгодных для своей страны условиях. Многих из тех, кто выступает с подобной критикой, имеют в виду отказ в поддержке коммунистических «клиентов» и просоветских режимов в Восточной Европе. Вот что пишет сам Горбачев:

Говорят далее, что мы лишились союзников в Восточной Европе, «отдали» эти страны без компенсации. Но кому мы их «отдали»? Их же народам. Народам, которые сами, в ходе свободного волеизъявления, избрали тот путь развития, который отвечал их национальным потребностям.

Строй, который существовал в странах Восточной и Центральной Европы, был осужден историей так же, как и в нашей стране. Он давно уже изжил себя, тяготил народы. И спасти этот строй, консервировать его значило бы еще больше ослаблять позиции нашей собственной страны, компрометировать ее в глазах и собственного народа, и всего мира¹⁹.

В середине 80-х в столицах западных стран по-прежнему считали само собой разумеющимся, что для Москвы вопрос о советской гегемонии в отношении Восточной Европы не подлежит обсуждению. Максимальное, на что можно было рассчитывать, и что считалось реально достижимым в самих странах Центральной и Восточной Европы, это некоторое послабление и либерализация (подобные тем, что постепенно осуществлялись в Венгрии при Кадаре), но уж никак не полная независимость и конец Варшавского Договора, СЭВ'а и советского контроля.

Отказ от попытки сохранить советскую гегемонию в Восточной Европе был политическим выбором именно Горбачева и его непосредственного окружения, а не политикой, разработанной в министерстве иностранных дел или в Международном отделе ЦК КПСС (куда в 1988 году вошел Отдел социалистических стран ЦК). Верно, что 1989 году изменения в Восточной Европе произошли быстрее, чем предполагали Горбачев или его главный советник по Восточной Европе Георгий Шахназаров (и имели гораздо

более тяжелые непосредственные последствия даже для коммунистов–реформаторов, хотя некоторые из них, спустя какое-то время, сумели вернуться на политическую арену, когда их партии выступили за социализм социал-демократического типа). И тем не менее, вопрос о применении военной силы, чтобы замедлить или предотвратить падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы, даже не рассматривался, что означало полный и окончательный разрыв с прошлым.

Распад Советского Союза

Некоторые утверждают, будто бы в понятии «демократизированный Советский Союз» заключено непреодолимое «противоречие в терминах». Это можно принять лишь с большой оговоркой. Оно, безусловно, верно, если речь идет о Союзе в составе всех пятнадцати республик. Прибалтийские государства — это особый случай, и как бы трудно ни было руководству в Москве признать это, было бы лучше, если бы эти республики рассматривались именно так. Эстония, Латвия и Литва были включены в состав Советского Союза насильно, против их воли относительно недавно, в 1940 году, и, как и следовало ожидать, их народы высказались за самостоятельную государственность, когда такие требования стали менее рискованными. Учитывая, что они всегда равнялись на своих соседей — скандинавов, которые жили богаче в условиях процветающей демократии, не удивительно, что политические устремления прибалтов в корне отличались от стремлений народов советской Средней Азии.

Тем не менее существовали возможности сохранения добровольного Союза, хотя и в меньшем составе. Кроме того, нет оснований считать, что распад Советского Союза, в результате которого на территории, которую раньше занимало одно государство, образовались пятнадцать независимых государств, оказался демократичнее по своим последствиям, чем сохранение Союза в составе девяти или даже двенадцати республик. (Сегодня некоторые из этих государств стали более авторитарными, чем были в последние годы советского периода). Если более крупное политическое образование, включающее в себя разные народы, может существовать на основе взаимного согласия, оно, как демократический политический организм, может быть ничем не хуже государства, основанного на требовании самостоятельной государственности для того или иного народа. Мнение, что каждый народ имеет абсолютное право на собственное государство, порождает не меньше проблем, чем решает. В каждом потенциально возможном «национальном государстве» существуют более мелкие национальные группы, иногда занимающие территориальные

анклавы, которые после распада более крупного политического образования (как мы видели на примере бывшего Советского Союза и бывшей Югославии) могут дать основания для выдвижения своего требования «национальной государственности». Возникает возможность дробления на все более мелкие государства, призрак гражданской войны и этнических чисток.

Насколько значимыми могли бы стать всенародные выборы президента Советского Союза? Большинство членов ЦК КПСС были бы крайне недовольны, если бы в начале 1990 г. Горбачев поддержал идею прямых выборов президента Советского Союза, поскольку в то время в стране нарастали антикоммунистические настроения, усугублявшиеся экономическими проблемами, обострением «национального вопроса» и, что немаловажно, демонстрационным эффектом событий в Восточной Европе. На протяжении всего предыдущего года благодаря новым свободам советские люди могли на экранах своих телевизоров видеть, как на волне народного недовольства коммунистических лидеров призывали к ответу и отстраняли от власти.²⁰ Более того, по данным опросов ВЦИОМ, которые тогда были самыми достоверными, в то время двумя самыми популярными политическими деятелями в стране были Горбачев и Ельцин. В марте 1990 года Горбачев еще опережал Ельцина. В мае-июне того же года популярность Горбачева пошла вниз, а популярность Ельцина стала расти — они поменялись местами²¹.

Если бы в марте или апреле 1990 года Горбачев выиграл прямые всесоюзные выборы, это очень не понравилось бы консерваторам в партии. Имея всенародный мандат, он стал бы еще свободнее от давления со стороны Политбюро и Центрального Комитета, чем будучи президентом, избранным непрямым путем. Если бы на выборах победил Ельцин, а он, с учетом его растущей популярности, несомненно, стал бы баллотироваться, это, конечно, было бы еще более тяжелым ударом для *аппарата*. И все же, если бы Горбачев поставил партию перед решением о проведении всенародных выборов президента так же неожиданно, как на XIX партийной конференции он удивил ее предложением провести на конкурентной основе выборы в новый, реальный парламент, он, скорее всего, добился бы своего.

Хуан Линц и Альфред Штепан считают, что перспективы сохранения Союза (или, по крайней мере, его большей части) в качестве новой, добровольной федерации были ослаблены тем, что конкурентные выборы в республиках прошли раньше выборов на союзном уровне.²² Вообще говоря, их соображение о порядке проведения выборов существенно, но оно в большей степени относится к президентским, а не к парламентским выборам, на которых сосредоточена их аргументация. Той резкой качествен-

ной разницы, о которой пишут Линц и Штепан, между выборами Съезда народных депутатов СССР 1989 года и выборами Съезда народных депутатов РСФСР 1990 года на самом деле не было. Более того, первые многопартийные выборы в России были проведены лишь в 1993 году. Их вряд ли можно считать «основополагающими выборами», потому что на них была самая низкая явка избирателей за весь период с 1989 по 2004 г. У многих граждан России остались неприятные воспоминания о том насилии, к которому прибег Ельцин при роспуске предыдущего парламента. Различие между 1993 годом и 1989-ым бросается в глаза. Те первые проходившие на альтернативной основе выборы вызвали настоящее воодушевление в стране, несмотря на то, что были компромиссными по своему характеру (одна треть мест была зарезервирована для кандидатов от общественных организаций). Если бы выборы президента СССР состоялись в 1990 году, т.е. за целый год до выборов президентов республик, это было бы событием выдающегося политического значения. Это придало бы большую легитимность не только победителю, но и обновленному Союзу.

С точки зрения сохранения Союза в составе девяти или более республик можно утверждать, что победа Ельцина была бы особенно значимой.²³ Хотя ряд исследователей справедливо отмечает, какие значительные институциональные ресурсы могли бы быть мобилизованы в каждой из союзных республик, если бы в рамках обновленного и более толерантного Советского Союза местные элиты решили добиваться суверенитета,²⁴ сам Ельцин сыграл важную, а может быть и решающую роль в развале Советского Союза. Было нечто парадоксальное в заявлении Ельцина о «независимости» России от Союза. В определенном смысле Союз был «большой Россией» и большинство россиян выступало за сохранение Советского Союза — причем как до, так и после его развала (исключением был лишь очень короткий период в конце 1991 года)²⁵. Поэтому заявление Ельцина о том, что российские законы имеют верховенство над союзными и что Россия должна стремиться к «независимости»²⁶, вряд ли отвечало долговременным интересам России. Ему это было нужно, потому что он рвался занять место Горбачева в Кремле, и эта задача была для него более приоритетной, чем сохранение большого Союза. Понятно, что если бы в 1990 году Ельцина избрали президентом *Советского Союза*, у него не было бы оснований отстаивать самостоятельность *России*. Скорее наоборот.

Распаду Советского Союза способствовали новые свободы и политический плюрализм, в утверждении которых во второй половине 80-х главную роль сыграл Горбачев. В этом смысле Горбачев создал предпосылки

для такого исхода. Но распад государства был конечным непреднамеренным следствием его действий. Только те, кто считает, что было бы лучше сохранить советскую политическую систему unreformed, со всем ее произволом и отсутствием политических, духовных и религиозных свобод, вместе с ее неэффективной экономикой, могут по логике вещей обвинять Горбачева за то, что он открыл возможности, которые прежде, в условиях суровых санкций за малейший намек на сепаратистские настроения, нельзя было себе представить. Помимо роли государств Балтии, непосредственными причинами распада страны было решение Ельцина разыграть российскую карту против Союза и выступление в августе 1991 года путчистов, которые хотели сорвать подписание Союзного договора, передававшего республикам широкие полномочия, и по своему недомыслию только ускорили исход, который сами же хотели предотвратить.

Заклучение

Либерализация и значительная степень демократизации, примером которой могут служить выборы на альтернативной основе, не могли не создать трудностей для Союза, но они не исключали возможности перехода от псевдофедерализма к настоящей, хотя и несколько аморфной, федерации в составе большинства советских республик на основе нового и добровольного Союзного договора. Союз уменьшенного состава мог бы сохраниться, но советская система едва ли пережила бы процесс реформирования. Реформа высветила противоречия, неэффективность и несправедливости системы и очень скоро привела к ситуации, когда человеку, который возглавил процесс реформирования, пришлось выбирать: либо восстанавливать знакомые нормы старой системы, либо следовать логике плюрализации системы, происшедшей в годы перестройки. Заслуга Горбачева в том, что он выбрал второй вариант. Можно почти наверняка сказать, что единственным путем мирного перехода к плюралистической политической системе, возможным в прочно устоявшейся коммунистической системе, которая существовала в Советском Союзе, была реформа сверху или, как многие называли ее, «революция сверху». Однако на определенном этапе этот процесс неизбежно должен был выйти из-под контроля высших руководителей, если реформы становились настолько радикальными, чтобы допустить в пробудившемся обществе открытое обсуждение всех мыслимых вариантов. Это делало похвальную саму по себе цель, которую провозгласил Горбачев, — «революционные изменения эволюционными средствами» — все более труднодостижимой. Более того, реформа советской командной экономики не могла не выявить ограничений реформи-

вания такой системы, что обуславливало необходимость перехода к экономической системе, действующей на иных принципах, даже несмотря на то, что переход от одной системы к другой должен был сначала ухудшить ситуацию и только потом выправить ее. Реформа командного политического организма переросла в системную трансформацию более плавно, но это потребовало от Горбачева большой политической ловкости и умения маневрировать, не в последнюю очередь для того, чтобы «успокоить сторонников жесткой линии» и, таким образом, избежать возврата к старому, когда его оппоненты могли сделать это самым простым способом — проголосовать в Политбюро и в ЦК за смещение Горбачева с поста Генерального секретаря и заменить его своим человеком²⁷.

Горбачев столкнулся с сильным давлением с различных направлений. На него давили коммунисты-консерваторы, занимавшие сильные позиции в партийном аппарате, органах госбезопасности и военно-промышленном комплексе, давили национальные элиты, в ряде случаев выступавшие в требованиях самостоятельной государственности, снискавшими им поддержку масс, в частности в прибалтийских республиках; давило высоко политизированное российское общество, которое получило возможность выразить недовольство по поводу страдавшей от дефицитов экономики и сохраняющихся социальных проблем. Тем не менее, к концу 80-х годов Россия и Советский Союз перешли от реформирования системы к системной трансформации. Это была не игра словами, о чем говорит тот факт, что уже в 1988 году Горбачев признал необходимость «перехода от одной политической системы к другой»²⁸. Несмотря на тактические отступления и колебания (некоторые из которых дали результат, обратный желаемому), Горбачев и его ближайшие соратники шли к стратегической цели демонтажа доставшейся им в наследство системы. Они стремились построить политическую и экономическую систему, качественно превосходящую то, что они унаследовали от Советского Союза, добившись значительно большего успеха в политике, чем в экономике.

¹ Хотя данная статья написана специально для этой книги, в ней использованы некоторые фрагменты моих текстов из сборника: A.Brown, L.Shevtsova (eds.). *Gorbachev, Yeltsin and Putin: Political Leadership in Russia's Transition* (Washington, DC. 2001) и моей статьи «The Soviet Union: Reform of the System or Systemic Transformation?» (*Slavic Review*, Vol. 63, № 3, 2004).

² Эти положения подробнее изложены в статье Арчи Брауна «Коммунизм» (*Communism*), опубликованной в: N.J.Smelser, Paul V.Baltes (eds.) *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences* (Oxford, 2001), pp. 2323-2325; а также в кн.: A.Brown. *The Gorbachev Factor* (Oxford, 1996), pp. 309-315.

³ В первое время своего пребывания на посту Генерального секретаря Горбачев считал систему социалистической, хотя и несовершенной, нуждающейся в реформировании. В

дальнейшем он принял социал-демократическую концепцию социализма и, как следствие, пришел к выводу, что в Советском Союзе никогда не было социализма. Позиция Горбачева менялась постепенно. Вот что он сказал по этому поводу в разговоре с одним из старых друзей: «Но к отрицанию представления о том, что советская система тождественна с социализмом, что она воплощает его преимущества, я пришел только после 83-го, да и то не сразу» (Mikhail Gorbachev and Zdeněk Mlýna. *Conversations with Gorbachev: On Perestroika, the Prague Spring, and the Crossroads of Socialism* (New York, 2002, p. 65). Горбачев также замечает: «...в 1985 году и еще какое-то время потом мы хотели улучшить систему, которая не была социалистической [...] Но большим успехом является то, что мы уже не пытаемся создавать идеальные модели и загонять в их рамки общественную жизнь. Мы устранили тоталитарную власть, дали свободу выбора, демократический плюрализм, а это — главное и для социализма, неотделимого от демократии» (ibid., p. 200).

⁴ Поэтому я, при всем уважении, не соглашусь с покойным Георгием Шахназаровым, который в своей книге, вышедшей в свет уже после его смерти, с похвалой отзываясь о моем анализе советской и российской политики, критикует меня за слова «социализм» и «коммунизм» в значении, отличающемся от принятого в советское время. См. Г.Х. Шахназаров, «Современная цивилизация и Россия», (Москва, 2003), особенно раздел «Фактор личности и альтернативы демократии», с. 176-191 и 179-180.

⁵ Стоит отметить, что для социалистических партий Западной Европы значение слова «социализм» также изменилось. Очень мало кто в руководстве основных партий, входящих в Социалистический Интернационал, сохранил веру в возможность построения специфической социально-экономической системы, которую можно было бы назвать социализмом. Слово «социализм» постольку, поскольку они продолжают пользоваться этим термином (а сегодня руководители британской Лейбористской партии используют это понятие реже, чем их друзья из Социалистического Интернационала в странах континентальной Европы), стало означать отличающиеся в других ценности и приоритеты, а не совершенно определенную систему.

⁶ См.: Archie Brown (ed.). *The Demise of Marxism-Leninism in Russia* (London, 2004) и Robert D. English. *Russia and the Idea of the West: Gorbachev, Intellectuals and the End of the Cold War* (New York, 2000).

⁷ Robert A. Dahl, «Why All Democratic Countries Have Mixed Economies» в кн: John W. Chapman and Ian Shapiro (eds.). *Democratic Community* (New York, 1993), pp. 259-282.

⁸ Ibid., p. 259.

⁹ Fiona Hill and Clifford Gaddy. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold* (Washington, 2003).

¹⁰ Robert A. Dahl, op. cit.

¹¹ См. «Правда», 15 июля 1987 года, с. 1-2 и «Правда», 30 сентября 1987 года, с. 1.

¹² О попытках воспрепятствовать возвышению Горбачева в 1984 году и о маневрировании Николая Тихонова, Виктора Гришина и других см.: Михаил Горбачев, «Жизнь и реформы» (Москва, 1995), том 1, с. 248-262. О консервативных коммунистических взглядах Виктора Гришина можно составить вполне ясное представление по его книге «От Хрущева до Горбачева: политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина: мемуары» (Москва, 1996). По свидетельству Александра Яковлева Гришин не просто хотел занять пост генерального секретаря — ближайшее окружение Константина Черненко «уже подготовило тексты речей и политическую программу», рассчитанные на то, что Гришин станет генеральным секретарем. См.: А.Яковлев, «Сумерки» (Москва, 2003), с. 459. Гришин понял, что ничего не получится, когда Черненко умер 10 марта 1985 года и Горбачев назначил заседание Политбюро на вечер того же дня. Сторонники Горбачева тоже готовили почву для плавного перехода власти. Была, в частности, достигнута договоренность с Андреем Громыко. См. А.Яковлев, «Сумерки», с. 459-463, и Анатолий Громыко «Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: воспоминания и размышления сына» (Москва, 1997), с. 94-95. Анатолий Громыко высказывает предположение, что Григорий Романов стремился стать генеральным секретарем даже больше, чем В.Гришин (Громыко, ук. соч., с. 96-98). По одному из

возможных сценариев на какое-то время к руководству пришел бы престарелый Гришин, а потом генеральным секретарем стал бы Романов, человек моложе по возрасту, но с не менее консервативными взглядами.

¹³ Н. Рыжков. «Перестройка: история предательств» (Москва, 1992), с. 291.

¹⁴ М. Горбачев, «Жизнь и реформы», т. 1, с. 395.

¹⁵ Jack Matlock, Jr. *Autopsy of an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union* (New York: Random House, 1995), p. 210

¹⁶ А. Яковлев, «Сумерки», с. 383.

¹⁷ Наиболее аргументированно обосновывает роль Рейгана в этом контексте бывший посол Мэтлок, но при этом он полностью признает ключевую роль Горбачева. См.: Jack F. Matlock, Jr. *Reagan and Gorbachev: How the Cold War Ended* (New York: Random House, 2004).

¹⁸ George Shultz. *Turmoil and Triumph. My Years as Secretary of State* (New York: Macmillan, 1993), p. 1138.

¹⁹ М. Горбачев. *Gorbachev: On My Country and the World* (New York: Columbia University Press, 1999). См. также: Вадим Медведев, «Распад» (Москва, издательство «Международные отношения», 1994); Вадим Медведев, «Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки» (Москва, издательство «Евразия», 1998); А.С. Черняев, «Шесть лет с Горбачевым: по дневниковым записям помощника» (Москва, издательство «Культура», 1993); Георгий Шахназаров, «Цена свободы: реформация Горбачева глазами его помощника» (Москва, издательство «Россика Зевс», 1993); и более злые высказывания о том, как Горбачев проводил внешнюю политику. В.М.Фалин. «Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания» (Москва, издательство «Республика», 1999).

²⁰ Для народов Прибалтики пример стран Восточной Европы, ставших полностью независимыми и некоммунистическими, был особенно важен. Он придал им смелости в переходе от требований большей самостоятельности в рамках Советского Союза к требованию полной независимости. Ср.: Archie Brown, «Transitional Influences in the Transition from Communism» // *Post-Soviet Affairs*, Vol. 16, № 2, April-June 2000, pp. 177-200.

²¹ По достоверным данным опросов ВЦИОМ четко видно, что в последние полтора года пребывания Горбачева у власти его популярность и в самом деле резко падала. Однако статистика того времени, в отличие от воспоминаний, основанных на избирательных свойствах памяти, свидетельствует о том, что на протяжении большей части своего пребывания на посту руководителя страны Горбачев был самым популярным политиком в России и во всем Советском Союзе. Как отмечает ведущий исследователь ВЦИОМ Борис Дубин, с 1988 года по начало 1990-х гг. по данным опросов двумя «героями года» были «вожди-реформаторы» — сначала Горбачев, а потом Ельцин. См.: Б. Дубин. «Сталин и другие. Фигуры высшей власти в общественном мнении современной России» // «Мониторинг общественного мнения», № 1, январь-февраль 2003 года, с. 13-15. Помимо исследований ВЦИОМ серьезные социологические исследования, проведенные Академией общественных наук показали, что в 1989 году популярность Горбачева все еще была высокой, хотя и в меньшей мере, чем в предыдущие годы. См. Вадим Медведев, «Прозрение, миф или предательство?», с. 213.

²² Juan Linz and Alfred Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation* (Baltimore, 1996), esp. pp. 381 — 385.

²³ Победа Ельцина вовсе не была предрешена. Проведение всенародных выборов президента страны дало бы новый стимул снижающейся популярности Горбачева и он скорее всего заработал бы очки на том, что был первым в истории России высшим руководителем, кто, унаследовав огромную власть, предпочел добровольно передать эту власть в распоряжение народа. В конечном итоге именно этот результат и дали реформы Горбачева, но это стало бы еще более очевидно, если бы прямые выборы президента Советского Союза состоялись, когда Горбачеву еще было что терять.

²⁴ См. например: Rogers Brubaker. *Nationalism Reformed: Nationhood and Nationalism in the New Europe* (Cambridge, Eng., 1966); и Valerie Bunce, *Subversive Institutions: The Design*

and Destruction of Socialism and the State (Cambridge, Eng., 1999). См также: Linz and Stepan, *Problems of Democratic Transition and Consolidation*, особенно главу 19.

²⁵ См.: Matthew Wyman. «Russians and Non-Russians on the Collapse of the USSR» в его книге (которая, несмотря на название, посвящена не только позднему советскому, но и постсоветскому периоду) *Public Opinion in Postcommunist Russia* (London, 1997, pp. 149-173).

²⁶ В мае 1990 г. Ельцин настаивал на том, что союзные законы не должны противоречить российским, но обратная ситуация возможна. См.: Leon Aron. *Boris Yeltsin: A Revolutionary Life* (London, 2000, p. 377). Судьба Союза была делом второстепенным по сравнению с борьбой за власть не только для Ельцина, но и для его честолюбивого окружения.

²⁷ О необходимости «успокоить сторонников жесткой линии» как общей проблеме политического перехода трансформации см. Guillermo O'Donnell and Philippe C. Schmitter, *Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies* (Baltimore, 1986, p. 44). Или, как сказал Андрей Грачев (последний пресс-секретарь Горбачева в то время, когда он был президентом): «Люди редко задаются вопросом, сколько государственных переворотов Горбачеву удалось избежать за шесть с половиной лет реформ. Любой из таких потенциальных государственных переворотов мог бы произойти при гораздо менее благоприятных условиях, когда положение Горбачева в Политбюро и в ЦК был таким, что он был практически изолирован от партии, руководителем которой он являлся». См.: Andrei S. Grachev. *Final Days: The Inside Story of the Collapse of the Soviet Union* (Boulder, 1995), p. 101.

²⁸ См. примечание 14.